

УДК 811

Дегтярева Ангелина Ильинична, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *degtyarva.99@bk.ru*

Degtyareva Angelina, Student

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: *degtyarva.99@bk.ru*

Хлыбова Анна Владимировна, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *DianaNai355@gmail.com*

Khlybova Anna, Student

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: *DianaNai355@gmail.com*

Потапенко Данил Евгеньевич, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *potapenkodaniils@yandex.com*

Potapenko Danil, Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: potapenkodaniils@yandex.com

СМЫСЛОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, БЕЛОРУССКИХ, УКРАИНСКИХ, ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ СКАЗОК

В статье описаны основные сходства и различия в именах собственных, встречающихся в славянском фольклоре и затрагивающие смысловые (этимологические) и орфографические аспекты.

Ключевые слова: фольклор; славянская мифология; сравнение; существа; сказки.

SEMANTIC SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN PROPER NAMES IN SLAVIC FOLKLORE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, BELARUSIAN, UKRAINIAN, POLISH AND CZECH FAIRY TALES

The article describes the main similarities and distinguishing features of proper names found in Slavic folklore and affecting semantic (etymological) and spelling aspects.

Key words: folklore; slavic mythology; comparison; creatures; fairy tales.

Сказки, былины, поверья неразрывно связаны со славянской культурой. А какого происхождения названий этих существ? Что общего между *Бабой Ягой* и *Еджи-Бабой*? В статье рассмотрим сходства и различия в именах собственных, встречающихся в славянском фольклоре и затрагивающие смысловые (этимологические) и орфографические аспекты.

Баба Яга – один из самых известных персонажей в восточно- и западнославянском фольклоре. В русском, украинском и белорусском языке данный персонаж именуется *Баба Яга*. Самые известные сказки – русская «*Гуси-Лебеди*», белорусская «*Пилипка-сынок*», украинская «*Казка про допитливого Дмитрика*».

У западных славян этот персонаж носит имя *Jedu-baba* или *Jedza-baba* и предстает в разных образах.

Советский филолог, фольклорист, профессор Ленинградского университета Владимир Яковлевич Пропп выделяет три типа яги:

- 1) дарительница, от которой герой получает коня или волшебный предмет;
- 2) похитительница, которая даже крадет детей;
- 3) воительница, с которой герой сражается не на жизнь, а на смерть [1, с. 145].

В западном фольклоре *Jedza-baba* имеет трех сыновей лютых змей, а передвигаться она предпочитает не в ступе, а в чайнике. Несмотря на достаточно склочный характер, отношение западных славян к старушке положительное. Также *Jedza-baba*, ввиду своей гиперактивности, покровительствует и оберегает домовитых хозяек. Однако для мужчин *Jedza-baba* – враг номер один. В чешском фольклоре одна из самых популярных сказок с этим персонажем «*Ян Деда и красная баба-яга*» в Чехии.

Основные различия между *Бабой Ягой* и *Jedza-baba* заключаются в ее имени. Согласно Этимологическому словарю Макса Фасмера, слово «Яга» родственно прибалтийским словам, обозначающим досаду, раздражение, нечто противное, а также древнеисландскому *ekki* ‘скорбь’, ‘боль’, а вот чешский и польский вариант соответствует санскритскому *ahi* – «змей» (Звук [h], сохраненный в русском смягчается в [жд] = [зд], [ж] и [з]). Чешская *jedu-baba* образовалось из *яждати*, *ездити*, *еда*. Производные *ягать*, *яжить*» стали употребляться в значении ‘кричать, шуметь’ («Что ты яжишь, как Баба-яга?») [2].

Так Баба Яга предстает в разных языках в разных образах. Если для восточнославянских языков это грозная, страшная баба, ассоциирующая (основываясь на этимологии) с болью и страхом, то для западных славян это персонаж положительный, похож на ведьмочку.

Водяной в отличие от Бабы Яги, и в восточно- и в западнославянской мифологии одинаков. Он является злым духом, воплощением стихии воды как отрицательного и опасного начала. Чаще всего выступает в облике мужчины с отдельными чертами животного (лапы вместе рук, рога на голове) или безобразного старика, опутанного тиной, с большой бородой и зелеными усами. Водяные утаскивали людей к себе на дно, пугали и топили купающихся. Интересен тот факт, что больше всего водяных боялись мельники и, чтобы водяной не сломал мельницу, под колесо пускали хмельной мед, бросали муку и даже бараньи головы. А поскольку водяной любил черный цвет, существовал обычай держать на водяных мельницах черных животных, любезных водяному [3, с. 82].

Имя этого персонажа созвучно как в восточно-, так и в западнославянских языках. В русском языке – Водяной, в украинском – *Водяник*, в белорусском – *Вадзянік* или *Вадзяны дзед* [3, с. 83].

Имя от одного корня: *вода* – рус., *вода* – укр., *вада* – бел.

Дзед (в переводе с бел. ‘дед’) дополнительно отсылает на внешность этого фольклорного персонажа. У западных славян ситуация похожая – в польском языке *Wodnik* («водник») от слова *woda*, в чешском *Vodnik* («водник») от слова *voda* [4, с. 123].

Таким образом, водяной становится персонажем идентичным для восточно- и западнославянского фольклора, поскольку совпадают и смысл, и этимология слова.

Среди самых известных сказок с этим персонажем можно назвать сказку «Мужик и водяной» Л. Н. Толстого.

Еще одним знаменательным персонажем славянской мифологии, а также представителем водной стихии, является **русалка**.

Слово русалка, вероятнее всего, произошло от слова «русалии» – древнеславянский праздник в честь поминания умерших [5, с. 234]. На Руси считалось, что девушки, утонувшие в реке во время русалий становились русалками.

На Украине русалки – прекрасные, но наделенные чертами покойника, девушки без хвоста, утопившиеся из-за несчастной любви или злой мачехи [5, с. 148]. Называют их *мавки*. И вместе с тем к ним испытывают определенную симпатию и жалость.

Слово «мавка» происходит, по одной из теорий, от общеславянского слова «*навь*», которое означало «смерть», однако это не единственная теория происхождения этого названия [5, с. 142]. Считается, что слово «мавка» так же могло произойти от устаревшего глагола *maati* ‘мавать’, что значит «кивать, покачивать» [5, с. 141]. Данное слово более не употребляется, но его все еще можно встретить в поэме Гомера «*Иллиада*» в переводе Николая Гнедича, где Зевс постоянно «помавает», т. е. кивает головой. *Русалки и мавки* упоминались в сказке-феерии Леси Украинки «*Лісова пісня*».

В Беларуси *вадзяніцы* – страшные персонажи, уродливые лохматые старухи с обвисшими грудями и горящими демоническим блеском глазами. *Вадзяніцы* считались в Беларуси «болотными злыднями» которые были опасны для людей и были способны заманить в омут, непроходимые топи, защекотать насмерть или даже загрызть [6, с. 345].

Западное представление о русалках, главным образом, связано с древнегреческими существами с именем *seirena*, от которого и произошло польское название *siréna*. Им называли девушек с рыбьими хвостами, а также существ, которые первоначально изображались наполовину женщинами, наполовину птицами и зазывали моряков пением, вследствие чего их корабли разбивались о скалы. Самая известная *siréna* в польской мифологии – дочь Балтыка, короля Балтийского моря.

Имя чешской русалке – *mořská panna* (‘морская дева’). Как и в польской мифологии, она является положительным персонажем.

Таким образом, говоря о русалке в славянской мифологии, стоит обратить внимание на различия как имен для девушки с рыбьим хвостом, так и на отношение к ней. Восточные славяне опасались русалок и изображали их ужасными существами, в то время как западные представляли прекрасных дев с чарующим голосом.

Известный всем нам **Домовой** в славянской мифологии – домашний дух, отвечающий за порядок в доме [3, с. 145]. Жильцам, исполняющим обряды, регулярно задабривающим «хозяина дома», он дарует удачу, сопутствует в домашних делах. Тех, кто обрядов не соблюдает, домашний дух наказывает. Разбитая посуда, украденные вещи и спутанные волосы – самые безобидные шалости, которые приписывали этим созданиям [3, с. 145].

Русскому домовому наиболее близок белорусский *хатнік*. Оба персонажа – хранители дома, помогающие людям вести хозяйство. *Хатнік* любит, когда с ним делятся молоком или хлебом, а если оставить угощение на ночь возле печки, дух дома обязательно поможет в хозяйстве [7, с. 184]. Этимология происхождения имен похожа: *домовой* – от рус. дом, *хатнік* – от белорус. хата.

Польский домовый – *chowaniec*. В отличие от восточнославянского, он забирает душу хозяина дома после смерти в обмен на помощь по хозяйству. Этимология слова не совсем ясна и может происходить от слова *wychowywać* – ‘воспитывать’. Название может свидетельствовать о происхождении от слова *chować się* – ‘прятаться’, что соответствует тому, что это существо обычно не показывается на глаза людям, или же хозяева сами прячут его от глаз посторонних.

Общими для всех видов домовых являются владение и управление домом.

В некоторых легендах у домового даже есть жена – **Кикимора**, которая известна почти на всей территории славянских земель. Поверья о ней распространены, в основном, у русских, белорусов – *kikimara* и поляков *kikimora*, в меньшей степени – у украинцев, словаков, болгар, сербо-хорватов.

Кикимора – существо, которое известно своими забавными шутками над людьми. Она может появиться в виде оставленного на дороге ребенка и после того, как ее поднимут и пригреют, она смеясь убегает [3, с. 225].

Ее представляют по-разному: как хозяйку избы, жену домового или лесного. Чтобы защититься от нее, люди обращались к молитве или же бранились. Любимое занятие Кикиморы – тканье и пряжа. Ночью под Рождество она трепала и жгла недоработанную пряжу. Это роднит ее с языческой богиней Мокошью. Иногда Кикимору считали полезной помощницей в домашних делах, например в выпечке, мытье посуды, уходе за скотом и детьми. Часто считается, что кикимора поселяется в домах, построенных на «плохом» месте, то есть там, где был зарыт удушенный или неотпетый покойник; где был убит или умер ребенок, или же где похоронено тело ребенка.

По одним источникам, Кикимора – это ребенок, похищенный или обмененный нечистой силой, а по другим Кикиморы – это дети, рождающиеся от связи девушек с огненным змеем [8, с. 543].

Слово кикимора состоит из двух частей. Первая часть **кик-** от древнего балто-славянского корня *кик-/кык-/кук-*, который имеет значение горбатости, скрюченности (другими исследователя связывается то с глаголом *кыкать* – кричать, издавать резкие звуки, то с существительным *кика* – хохол, чепец). Вторая – **мора** от общеславянского корня *-морь-* ‘смерть’, который в некоторых славянских языках является самостоятельным словом и обозначает женских демонов, насылающих на людей ночные кошмары [3, с. 225].

В польской мифологии *mora* – это женщина, у которой по ночам душа может отделяться от тела и в виде мотылька проникать в чужие дома и душить спящих [8, с. 976].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что имена собственные в славянском фольклоре чаще всего имеют общее происхождение, но написание слов различается из-за особенностей алфавита и словообразования в отдельных языках.

Однако стоит отметить, что имена собственные нередко имеют лексические и культурные различия, что обосновано разной картиной мира и представлением одного и того же персонажа. Так, например, Сирена является

важным символом столицы Польши, в то время как русалка в России рассматривается как коварное существо, которое ранее было прекрасной и несчастной девушкой, утонувшей в воде.

В результате сравнения имен собственных фольклорных славянских персонажей на примере русских, белорусских, украинских, польских и чешских сказок, можно сделать вывод, что в них отражены различия менталитета и картины мира разных славянских народов.

Кроме того, прослеживаются разные функции фольклора у разных народов. Так, восточные славяне посредством сказок о злых лесных и водных существах воспитывали детей и обучали их технике безопасности, в то время как у западных славян он играл более художественную, символическую роль в формировании личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. СПб : Питер, 1928. 256 с.
2. Этимологический словарь Макса Фасмера. URL : <https://gufo.me/dict/vasmer/яга> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Междунар. отношения, 2002. 349 с.
4. Кишкин Л. С. Миколаш Алеш и чешская культура. М. : Наука, 1978. 268 с.
5. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М. : Индрик, 1995. 423 с.
6. Гурко А. В. Кто живет в Беларуси. Минск : Беларуская навука, 2012. 798 с.
7. 100 найвідоміших образів української міфології / О. М. Таланчук [и др.]. Київ : Автограф ; Книжковий дім «Орфей», 2006. 108 с.
8. Белова О. В. Легенда о Хапуне: формы бытования сюжета на польско-украинско-белорусском пограничье. 2-е изд. Цехановец : Museum Rolnictwa, 2013. 1203 с.